

100 ЛЕТ
1917-2017

Великая русская революция

Журнал начинает серию публикаций к 100-летию Великой русской революции. Это фундаментальное событие оказало глубокое влияние на мировую историю, изменило жизнь сотен миллионов людей и, конечно, прежде всего, граждан России.

Надеюсь, что в отечественной науке сокращается практика поверхностного, нигилистического отношения к нашему прошлому. У истории нет сослагательного наклонения. Прошедшие события нельзя изменить или, говоря языком цифры, переформатировать. С той или иной точностью их можно реконструировать и осмыслить. «Ложь в истолковании прошлого приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем», – предупреждал выдающийся русский историк В.О. Ключевский. И еще он же: «История – это не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков».

Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать положение о том, что письменная история складывается не сразу. Для этого нужны временная дистанция и честные профессионалы. Я не хочу здесь говорить о причинах откровенной фальсификации исторических процессов в угоду идеологической или политической конъюнктуре. Эти явления всегда были и наверняка останутся частью массового, да и научного сознания.

Вглядываясь в события Великой русской революции, не следует забывать, что вокруг российской истории сегодня развязана настоящая информационная война. Однако в этом коротком вступлении я хотел бы сказать о другом: об ошибках хроноцентризма, о вполне искреннем перенесении в прошлое наших сегодняшних ценностей и клише. Отсюда следует важный вывод, что важнейшей профессиональной установкой в социогуманитарных науках должен стать принцип историзма. Отказ от ценностных клише, от вульгарной экстраполяции современных схем на прошлое – залог сохранения нашей гражданской и социокультурной идентичности. Клонировать исторические процессы нельзя – в противном случае получится или трагедия, или фарс.

У всех субъектов Великой русской революции была своя правда: красные, белые, «черные», «зеленые» участники революции спустя 100 лет становятся неразделимой историей. Лишь при таком подходе к прошлому историческая рефлексия способна укреплять сегодняшнюю мировоззренческую и ценностную составляющую нашей идентичности, российской матрицы, российской системы – называйте, как хотите. В условиях глобализации отечественная история и ее этапные события все более становятся экзистенциальной основой российской жизни, на которой только и возможны устойчивое развитие общества и государства, благополучие каждого из нас.

ЛАПШИН А.О., главный редактор журнала «Власть»

The Great Russian Revolution

The journal starts a series of publications devoted to 100 years of the Great Russian Revolution. This fundamental event proved deeply influential on the world history, changed the lives of hundred millions and of course primarily of citizens of Russia.

I hope that in national science practice of casual nihilistic attitude to our history is diminishing. History does not have the subjunctive mood. The past events are impossible to change or, in numerical terms, to reformat. With any given accuracy, they can be reconstructed or comprehended. «Falsehood in interpretation of the past leads to failures at present and prepares catastrophe in the future», – an outstanding Russian historian V.O. Kluchevsky warned. One more thing he states: «History is not a mistress, but a matron: it teaches nothing, but punishes severely for ignorance of lessons».

It is unlikely that anyone will contest a statement that it takes some time for forming the written history. It needs time and honest professionals. I do not want to talk here about the reasons of downright fraud of historical processes in favor of ideological or political climate. These phenomena have always taken place and will remain a part of mass and scientific consciousness.

Looking into the events of the Great Russian Revolution, we should not forget that a genuine information war is unleashed around Russian history. However, in this short speech I would like to say about a different thing: about mistakes of chronocentrism, quite sincere transference of our today's values and cliché to the past. Hereof it follows a conclusion that the most important professional attitude in socio-humanistic sciences must be a principle of historicism. Refusal of value-conscious cliché and vulgar extrapolation of modern scheme on the past is a key for preservation of our civil and socio-cultural identity. We cannot clone historical processes – otherwise either a tragedy or farce will happen.

All subjects of the Great Russian Revolution had their own truth: one hundred years later red, white, black, green participants of the revolution became the inseparable history. Only under this approach to the past historical reflection is able to strengthen today's world outlook and value-conscious constituent of our identity, Russian matrix or Russian system, call them as you like. In terms of globalization, national history and its landmark events are increasingly getting existential basis of Russian life only on which sustainable development of society and the state, well-being of each of us are possible.

LAPSHIN A.O., Editor-in-Chief of the «Vlast'» journal

НИКОЛАЕВ Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и политологии Саратовского социально-экономического института – филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89; 956nan@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В статье анализируются уроки Февральской революции 1917 г. в контексте современной политической ситуации в России. Первый урок состоит в том, что революция, как правило, начинается внезапно. Еще одна важная особенность революций – стремительность развития событий. Революция практически никогда не приводит к тем результатам, которые планировали люди, ее начинавшие. А главный политический урок Февраля состоит в том, что у населения должны быть легальные клапаны для выхода недовольства, а контрэлита должна иметь реальный шанс для прихода во власть.
Ключевые слова: революция, власть, оппозиция, элита, армия, информация

Наша страна вступила в юбилейный год столетия Великой российской революции или, как мы считали до появления нового стандарта в истории, двух революций: Февральской и Октябрьской. О каждой из них написаны горы книг и статей. Однако влияние их на отечественную и мировую историю таково, что не только историки, но и политологи, социологи, философы будут обращаться к их анализу вновь и вновь. Принято считать, и с этим можно согласиться, что по историческому значению приоритет принадлежит Октябрю. Вместе с тем с точки зрения проведения параллелей с современностью для извлечения политических уроков для сегодняшних россиян более актуален и интересен Февраль. Политическая ситуация накануне Октябрьской революции очень мало напоминала нынешнее состояние России. В настоящее время отсутствует мощная организованная оппозиция, нет очевидного раскола правящей элиты, прочность и авторитет государственной власти несравненно выше и много других важных отличий. А вот ситуацию накануне Февральской революции по ряду параметров более корректно сравнивать с современностью. Конечно, прямые аналогии здесь недопустимы, но некоторые политические уроки представляются актуальными и сейчас.

Анализ политических уроков Февраля необходим, чтобы избежать повторения подобных событий. Автор признает неизбежность, а зачастую и полезность революций, с уважением относится ко многим революционерам, но в данном случае вспоминаются слова Бисмарка: «Найдите страну, которую не жалко». Практически все революции в любой стране вне зависимости от их исторического значения приводили к человеческим жертвам и падению жизненного уровня населения. Это относится не только к революциям прошлого, но и к современным. Достаточно вспомнить последствия «цветных революций» на постсоветском пространстве и событий Арабской весны. При этом нередко на устранение негативных последствий уходят не годы, а десятилетия. В данной связи хочется не согласиться с точкой зрения, которую высказывает В. Соловей в своей книге «Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху». Он, утверждая, что нынешняя Россия все больше входит в состояние, «чреватое революцией», в то же время отрицает возможность ее разрушительных последствий, т.к. в современной России отсутствует «почва для массового кровопролития» [Соловей 2016]. Разумеется, повторения масштабов столетней давности трудно ожидать, но последствия гипотетического краха нынешнего режима могут быть

весьма серьезными. Во-первых, слабая экономика не выдержит политических потрясений, и последующее падение жизненного уровня вполне может быть сопоставимо с началом 90-х. А главное, В. Соловей не учитывает этноконфессиональный фактор. Насильственное свержение нынешней власти наверняка приведет к резкой вспышке сепаратизма и агрессивного национализма, в первую очередь на Северном Кавказе (и не только). Учитывая неизбежное внешнее вмешательство, можно прогнозировать не только достаточно масштабное кровопролитие, но и отпадение от Российской Федерации некоторых регионов.

Сказанное не означает, что автор оправдывает консервацию нынешнего политического режима. Напротив, необходима его своевременная трансформация, чтобы избежать революционного варианта. Насколько это реально – другой вопрос. Если современная власть хочет опираться на консервативную идеологию, необходимо помнить, что императив современного консерватизма состоит в необходимости своевременных изменений, чтобы дело не доходило до революционных потрясений [Демидова, Николаев 2016: 18]. Во всяком случае, смысл обращения к урокам Февраля автор видит именно в этом.

Первый урок состоит в том, что революция, как правило, начинается внезапно. Да, в истории были случаи успешных целенаправленно подготовленных революций (Октябрьская, кубинская). Однако чаще всего революционные события обрушиваются на современников внезапно. Закономерность начала революций обычно обосновывалась задним числом. В этом отношении пример Февральской революции весьма показателен. Нарастающее явное недовольство всех слоев общества верховной властью ни для кого не было секретом. Но толчком к революции не стали ни колоссальное отступление русской армии в 1915 г., ни пламенное выступление П. Милюкова в Государственной думе, ни убийство Г. Распутина. Да, большевики с самого начала ставили задачу «превращения империалистической войны в гражданскую». Вместе с тем обладавший гениальным политическим чутьем В. Ленин за полтора месяца до начала февральских событий говорил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» [Ленин 1973: 328]. В свою очередь, Николай II покинул Петроград за день до начала массовых выступлений.

Кстати, при авторитарных режимах именно верховный руководитель накануне революционных событий оказывается, как правило, наиболее оторванным от понимания реальной ситуации. Зачастую это связано с тем, что ему просто бояться докладывать реальное состояние дел. В случае с Николаем II было не так. Целый ряд представителей правящей и оппозиционной элиты обращали внимание царя на глубину кризиса. Видимо, сказывалась оторванность Николая как авторитарного правителя от реальной жизни. Ведь непосредственно вокруг него ничего не менялось, внешне государственная машина работала по-прежнему. В этих условиях информация о кризисных явлениях воспринималась как результат деятельности кучки негодяев-оппозиционеров.

Таким образом, авторитарная власть не должна очаровываться своим могуществом. Может быть, за внешними атрибутами могущества уже скрывается пустота. В таком случае самое пустяковое событие может стать началом распада. С другой стороны, и оппозиционные силы должны чувствовать, когда в стране начинает складываться революционная ситуация, чтобы в критический момент иметь хоть какой-то план действий.

Еще одна важная особенность революций – стремительность развития событий. Как правило, за ними не успевают ни представители власти, ни оппозиционные политики. Опять-таки, это хорошо видно на примере Февральской революции. Так, в ходе вооруженного восстания 27 февраля были созданы новые органы власти: Временный комитет Государственной думы и Временный испол-

ком Петросовета, а последний состав царского правительства самораспустился. Но еще двое суток Николай II и его окружение отказывались обсуждать вопрос даже о создании правительства, ответственного перед Госдумой, хотя к тому времени Временный комитет уже был признан Великобританией и Францией. Когда же император согласился на создание «ответственного министерства», перед ним уже ставили вопрос об отречении даже такие ярые монархисты, как А. Гучков, В. Шульгин и высший генералитет. А когда Николай отрекся в пользу брата Михаила, это уже не только не устраивало участников революции, но и самому Михаилу представлялось безнадежным предприятием.

События Февраля показывают, насколько опасно для власти перед лицом революционного движения отсутствие решений либо шараханье от жестких мер к уступкам и обратно. Это не только возбуждает массы, но и дезориентирует сторонников власти. Представляется, что если власть решает пойти на уступки давлению масс, то эти уступки должны опережать уровень требований оппозиции на данный момент. С другой стороны, если власть выбирает путь репрессий, они сразу должны быть решительными и жесткими. Еще Н. Макиавелли указывал: «Жестокость применима хорошо в тех случаях... когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности... и плохо применима в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко...» [Макиавелли 2003: 44]. Иначе получится по М. Салтыкову-Щедрину: «Добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он Чижика съел».

Аналогичный урок касается и оппозиции. Когда в феврале 1917 г. началось вооруженное восстание, вся российская оппозиция — от большевиков до октябристов — плелась в хвосте событий. Так, освобожденные из «Крестов» 27 февраля руководители меньшевиков первым делом заявили восставшим, что их главная задача — оказать поддержку Государственной думе. Когда же десятки тысяч вооруженных солдат и рабочих пришли к Таврическому дворцу, чтобы думцы их возглавили, те даже не решились воспротивиться царскому указу о роспуске Думы и посмели собраться только на «частное совещание». А 1 марта, когда вооруженное восстание уже победило, руководство Петросовета, за которым стоял 150-тысячный гарнизон и вооруженные рабочие, само передало власть в стране Временному правительству, не обладавшему в тот момент реальной силой. Пожалуй, только А. Керенский в феврале—марте тутко улавливал пульс событий, умело вел игру и с народными массами, и с думскими либералами. В результате он вошел и в руководство Петросовета, и в состав Временного правительства.

С учетом сказанного выше оппозиционерам следует помнить, что революция практически никогда не приводит к тем результатам, которые планировали люди, ее начинавшие. Это касается и сравнительно отдаленных социально-экономических последствий, и ближайших политических итогов, и очень часто судеб самих революционеров. В случае Февральской революции это проявилось особенно ярко. Глобальными следствиями революции были развал страны, гражданская война, гибель миллионов людей и гигантское падение жизненного уровня населения, по сравнению с которым хлебные затруднения февраля 1917 просто смешны. Наверное, большинство участников революции не стали бы ее начинать, если бы знали об этих последствиях. Да и непосредственный политический результат Февральской революции был неприятной неожиданностью для многих ее «вождей», по крайней мере октябристов и кадетов. Ну, и очень показательна личная судьба очень многих лидеров Февраля. В очередной раз подтвердились слова Ж. Дантона насчет революции, пожирающей своих детей. Уже к концу семнадцатого года практически все, кто руководил и блистал в февральские дни (А. Гучков, А. Керенский, П. Милуков, М. Родзянко, М. Скобелев,

Н. Чхеидзе), были отстранены от власти, отброшены на второстепенные роли в политике либо вообще оказались вне ее. А в дальнейшем многие активные участники революции были убиты, в т.ч. недавними соратниками.

В данном отношении показательна судьба Тимофея Кирпичникова – унтер-офицера Волынского полка, начавшего вооруженное восстание и названного А. Керенским «первым солдатом революции». Т. Кирпичников приобрел все-российскую славу, был избран в Петросовет, получил офицерское звание и Георгиевский крест. В октябре 1917 г. он уже пытался организовать вооруженное сопротивление приходу к власти большевиков. Затем бежал на Дон и пытался присоединиться к формирующемуся Белому движению. Однако там «первый солдат революции» был расстрелян по приказу А. Кутепова, как только тот понял, кто перед ним¹.

Нельзя не сказать об уроках Февральской революции, связанных с влиянием войны и ролью армии. Неоднократно правители разных стран пытались решить свои внутренние проблемы за счет «маленькой победоносной войны». Иногда это успешно удавалось, но наша страна в этом плане приобрела в начале XX в. крайне негативный опыт. Русско-японская война уже через год привела к Первой революции. Начавшаяся в 1914 г. мировая война первоначально способствовала резкому спаду революционного движения благодаря массовому патриотическому воодушевлению. В Петербурге в день объявления Высочайшего манифеста о войне с Германией «100-тысячная масса народа, опустившись на колени, со склоненными национальными флагами... приветствовала царя» [Донин 2014: 166]. Однако всего через два с половиной года еще более многотысячные толпы жгли царские портреты и кричали: «Долой самодержавие!». Поэтому политикам следует помнить, что попытки разрешить внутривластные кризисы за счет переключения внимания народа на войну приводят к непредсказуемым последствиям.

Еще более опасные последствия для политиков, особенно оппозиционных, таит соблазн вовлечь во внутривластные разборки армию. Если это делается с помощью командования, то возникает риск спровоцировать военную диктатуру. Причем она может быть установлена как под революционными, так и под контрреволюционными лозунгами. Февральская революция продемонстрировала другой вариант, когда в политическую борьбу непосредственно вовлекаются вооруженные солдатские массы, в лучшем случае под руководством младших командиров. Еще раз хочется оговориться, что автор отдает должное энтузиазму и мужеству революционных солдат. Если они начали в массовом порядке убивать своих офицеров, значит, для этого были веские основания. Речь идет о том, что не надо доводить армию до такого состояния. Восставшие солдатские массы обеспечили победу революции, но они же, по мнению ряда историков, способствовали вовлечению страны в разрушительный хаос после издания знаменитого Приказа № 1 [Костяев 2014]. Во время столь масштабной войны армия является главной деталью государственного механизма, и когда началось ее разложение, оно, как раковая опухоль, поразило и другие его детали. Кроме того, ожесточенность и продолжительность Гражданской войны в значительной степени вызвана и тем, что миллионы бывших солдат разошлись по своим родным местам с оружием в руках.

Весьма актуальный в современных условиях урок Февральской революции связан со значением информации. Во-первых, речь идет о той банальной истине, что эффективность действий власти во многом зависит от обладания объективной информацией. А в случае авторитарных режимов решающее значение приобретает информированность высшего эшелона власти, поскольку ответственные решения могут приниматься только на вершине властной вертикали. В фев-

¹ Гусяров Е. Роковая ошибка Тимофея Кирпичникова. – *Родина*. 2016. № 11.

рале 1917 г. Николай II, выехав из Петрограда, на 10 дней оказался связанным со столицей только телеграфными сообщениями. Между тем обстановка начала меняться сначала ежедневно, а потом и ежечасно. Роковыми для монархии оказались 40 ч в поезде 28 февраля – 1 марта, во время которых император оказался почти в полном информационном вакууме, был отрезан и от столицы, и от своей Ставки, поэтому не мог принимать никаких серьезных решений. Именно за эти часы завершилось вооруженное восстание в Петрограде, восстали Москва и Кронштадт и фактически сформировалось Временное правительство, получившее поддержку высшего генералитета. Точка бифуркации была пройдена, и де-факто еще до акта отречения «хозяин земли русской» превратился в гражданина Романова.

С другой стороны, власть ничего не сделала для ограничения информационно-коммуникационных возможностей сторонников революции. Даже когда правительственные силы еще обладали значительными военными возможностями, они не позаботились о том, чтобы блокировать от оппозиции питерский телеграф и телефонную станцию. Участники революции свободно могли рассылать телеграммы по всей стране, получать ответную информацию и общаться по телефону в Петрограде. Поневоле вспоминаются слова П. Милюкова: «Что это, глупость или измена?»

Не менее важен другой аспект информационной проблемы в периоды политических кризисов: информированность населения. В настоящее время известно много фактов, свидетельствующих о том, что социально-экономическая ситуация в Российской империи накануне Февраля была не столь уж плачевной, как это рисовалось в советский период [Миронов 2013]. В стране имелись значительные запасы продовольствия, вооружения, военного снаряжения. Петроград еще только собирались переводить на карточки, тогда как другие воюющие страны (и даже нейтральная Швеция) давно перешли на карточную систему. Что касается Германии, то она в 1916–1917 гг. вела полуголодное существование. Ежедневный пищевой рацион немца составлял всего около 1 500 калорий, а смертность по сравнению с довоенным периодом увеличилась на 32% [Патрушев 2004: 63, 66]. В это время военнопленные в России питались лучше [Ефимова, Захаров 2014: 140]. Однако хлебные бунты начались не в Берлине, а в Петрограде. Одна из причин этого – неспособность царского правительства наладить диалог с народом. Оно оказалось не в состоянии объяснить населению свою политику, реальное состояние дел, возможности, перспективы. Не был дан достойный информационный ответ гиперболизированным мифам о всемогущем влиянии Распутина и о царице-шпионке. Царь и его окружение просто не считали нужным заниматься информационной борьбой и информированием населения. По свидетельству очевидцев, Николай II именно в это время однажды сказал: «Что это вы толкуете мне о доверии народа? Пусть народ заслужит мое доверие»¹. Расплатой за такую позицию и стала революция.

Конечно, самые интересные уроки революции связаны с ее причинами, но их анализ невозможен в рамках небольшой статьи. Хотелось бы упомянуть только об одной из них, которая связана и с причинами революции, и с ее ходом, и с последствиями. Речь идет о состоянии элиты. Февральская революция доказала особую важность данного фактора. Более того, вспоминая ленинские признаки революционной ситуации, хочется сказать, что неспособность «верхов управлять по-старому» важнее для начала революции, чем нежелание «низов жить по-старому». «Низы» в той или иной степени всегда недовольны властью. Однако, как упоминалось выше, уровень жизни российского населения к началу

¹ Давидсон А. Что понял и чего не понял лорд Милнер. – *Родина*. 2017. № 2. С. 34–38.

1917 г. был далеко не самым худшим среди воюющих стран. И в отечественной истории это был не самый плохой период по уровню жизни. А вот «верхи» действительно «не могли управлять по-старому». Это проявилось в расколе элиты, формировавшемся несколько десятилетий. Многолетнее противостояние революционеров, либеральной оппозиции и самодержавной власти вело к взаимному ожесточению. И вина в этом лежит на власти, которая не умела и не хотела своевременно идти на уступки, проводить политические реформы. В результате десятилетий ожесточенной борьбы, как писал А. Солженицын, «накал ненависти между образованным классом и властью делал невозможным никакие конструктивные меры, компромиссы, государственные выходы, создавал лишь истребительный потенциал уничтожения» [Солженицын 2007: 87]. Поэтому так быстро и разрушительно в феврале 1917 г. развалилась великая империя.

Таким образом, главный политический урок Февраля состоит в том, что у населения должны быть легальные клапаны для выхода недовольства, а контрэлита должна иметь реальный шанс для прихода во власть. А лучший способ избежать революции – вовремя провести реформы.

Список литературы

Демидова Е.И., Николаев А.Н. 2016. Социокультурные ценности как фактор российского политического процесса. – *Власть*. № 4. С. 14-20.

Донин А.Н. 2014. Военный август 1914 г. в России (по материалам журнала «Нива»). – *Власть*. № 2. С. 164-169.

Ефимова Е.А., Захаров А.В. 2014. Правила и методы ведения войны: социально-нравственный аспект (на материалах Первой мировой войны). – *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. № 4(53). С. 136-140.

Костяев Э.В. 2014. Российские социал-демократы и Приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 года. – *Власть*. № 4. С. 147-151.

Ленин В.И. 1973. Доклад о революции 1905 года. – *Полное собрание сочинений*. Т. 30. С. 306-328.

Макиавелли Н. 2003. *Государь*. М.: АСТ. 704 с.

Мионов Б.Н. 2013. *Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации*. М.: Весь Мир. 336 с.

Патрушев А.И. 2004. *Германия в XX веке*. М.: Дрофа. 432 с.

Солженицын А.И. 2007. *Размышления над Февральской революцией*. М.: Российская газета. 96 с.

Соловей В.Д. 2016. *Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху*. М.: Эксмо. 320 с.

NIKOLAEV Aleksandr Nikolaevich, Dr.Sci.(Hist.), Professor of the Chair of History, Philosophy and Political Science, Saratov Socio-Economic Institute – the branch of Plekhanov Russian University of Economics (89 Radischeva St, Saratov, Russia, 410003; 956nan@mail.ru).

POLITICAL LESSONS OF THE FEBRUARY REVOLUTION

Abstract. The article analyzes the lessons of the February 1917 revolution in the context of the current political situation in Russia. The first lesson is that the revolution usually begins on a sudden. Another important feature of the revolution is the rapid development of events. Revolution almost never leads to the results that people had planned. In addition, the main political lesson of February is that the population should have legal valves to release resentment and counter-elite should have a real chance of coming to power.

Keywords: revolution, government, opposition, elite, army, information